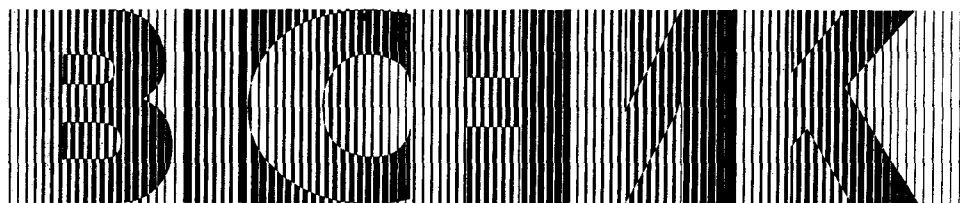

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ УКРАЇНИ

ISSN 0453-8048

№ 426
'99

ХАРКІВСЬКОГО
УНІВЕРСИТЕТУ

 **ТВОРЧИЙ ДОРОБОК
ЮРІЯ ШЕВЕЛЬОВА
І СУЧАСНІ ГУМАНІТАРНІ НАУКИ**

Харків

ЛІС

1999

В. Калюжный

ОБ ОДНОЙ МЕТАФОРЕ ЕСЕНИНА

Эссеистика – литературный баловень нового времени. Не имея ничего общего с облегченным чтивом, эссе сочетает артистизм с напряженностью мысли. Согласно Бюффону, стиль – это человек. Для человека пишущего стиль – его лицо. Относясь преимущественно к форме, стиль является визитной карточкой содержания. Духу творчества небезразлично, в какие одежды облачаться. Точные науки предпочитают сухой, обесцвеченный язык. Гуманитаристика вызывает к жизни экстраординарные выразительные средства. Эссе рождаются в среде филологии, философии, культурологии. К вершинам эссеистики XX века относятся тексты Честертона, Борхеса, Камю. Блестящие страницы написаны в последние годы Аверинцевым и Арутюновой, Библиером и Жолковским, Померанцем и Шрейдером.

В украинской духовности особое место принадлежит Юрию Шереху, чьи произведения приходят к нам только сейчас. В одной легендарной личности воплотился языковед и литературовед, искусствовед и публицист. Тесно переплетены в его работах серьезные темы и игровые мотивы, научная обстоятельность и стилистическая непринужденность. Плоть от плоти мировой культуры, он как никто много внес в сокровищницу национальную.

Замечательная глава творчества Шереха – его эссеистика. Именно эта сторона ближе всего широкому читателю. Изучая художественные произведения, Шерех сам выступал недожиданным мастером слова. Насущной задачей является освоение его научного наследия и уяснение творческой манеры.

Если эссе – квинтэссенция словесности, то метафора – центр кристаллизации художественной субстанции. В предлагаемой работе мы попытаемся проследить за игрой граней одного поэтического фрагмента. В нашей рецепции трезвый анализ будет сочетаться с субъективным восприятием.

1. Стихотворение Есенина, содержащее исследуемую метафору, открывается строфой:

Пойду в скуфье смиренным иноком
Иль белобрысым босяком –
Туда, где льется по равнинам
Березовое молоко

Последний стих этой строфы

(i) **Березовое молоко**

задает вторичную номинацию. Этот пример рассматривался в монографии Н.А. Басилая “Семасиологический анализ бинарных метафорических словосочетаний”, Тбилиси, 1971, где получил толкование белые березы (почему не белизна берез?). Он отнесен к группе бинарм вида “прилагательное – существительное”, первый член которых выражен отсубстантивным относительным прилагательным, проявляющим в метафоре свое относительное значение, связанное с “предметностью” (с. 50).

Приведенная строфа является сложным предложением, содержащим придаточное места. Выделим в нем сентенциальную составляющую:

(ii) **Льется по равнине березовое молоко.**

Последнее простое предложение представляет собой метафору, детализующую (i). К развернутой метафоре (ii) неприменима идеология указанной работы, предполагающая отсечение контекста.

2. Возникшая на заре цивилизации, метафора не померкла и в сумерках Европы. Наследница мифа смело смотрит в постсовременность. Возникая в обыденной речи, метафора стремится обосноваться в престижных дискурсах. Ей покорны как классика, так и авангард. Метафора участвует в развитии образов, игре оппозиций, движении мотивов, раскрытии темы и даже формировании идей. Воспринимаясь иной раз как архитектурное излишество, она оказывается несущей конструкцией.

Хотя метафора легко бросается в глаза, ее природа трудноуловима. Метафора задевает как разум, так и чувства. Она способна выразить тончайшие движения души. Наиболее эзотерические идеи формулируются с помощью метафоры. Несмотря на прагматическое прошлое, метафора указывает направление развития современного знания. Тесно связанная с загадкой, она таит в себе тайну.

Метафора – это аномалия, обнаруживающаяся на различных уровнях (языковом, логическом, когнитивном). Ее можно сравнить со взрывом. Но речь идет не только о разрушении привычных связей. Это взрыв в мирных целях, дающий мощный импульс мысли и воображению. Разворачивающиеся картины тонут в потоках ассоциаций. Метафора вызывает и эманацию эмоций. Если принять концепцию “удовольствия от текста” Ролана Барта, то на метафору будут приходиться наиболее острые пики наслаждения.

Появление метафоры – как правило неожиданность (иногда запланированная). Степенное движение по тексту на время выходит из колеи. Механизм понимания начинает совершать беспорядочные движения в поисках точки опоры. Вспышка осмысления так же внезапна, как и перед этим потеря курса. Чтение будет продолжаться по преобразованному метафорой семантическому ландшафту.

Метафорическое целое возникает на правах партнерства. Его деление на “метафоризирующие” и “метафоризируемые” компоненты непродуктивно. Разделение труда по производству переносных значений не ведет к созданию новых иерархий. В смысловом ансамбле невозможно отделить солирующие значения от семантического аккомпанемента.

Вычленение метафоры из текста смертееподобно. Оно чревато превращением животворящей метафоры в муляж, а текста – в обескровленное тело.

Метафорическое словосочетание получает в наследство солидные ресурсы языковой метафоры. Но это богатство требует рационального использования. Сложение значений происходит не по законам школьной арифметики. Из искр переносных значений возгорается пламя метафоры. В столкновениях слов рождаются раскаты смыслов. Языковой стихией правит громовержец-синтаксис.

Инструкция по дешифровке к метафоре не прилагается. Пути ее интерпретации неисповедимы. Проанализировать метафору – не значит решить квадратное уравнение, в котором один корень – прямое значение, а другой – переносное. Метафорические “уравнения высших порядков” не решаются “в радикалах”.

В постижении метафоры соревнуются читательская интуиция и языковая компетенция. Научный подход дополняется имагинативным. Над расшифровкой метафоры бьются как левое, так и правое полушария. Первое вооружено теоретическим аппаратом, стремится пользоваться алгоритмами. Второму ближе художественная сторона. Оно хорошо чувствует влияние контекста. На понимание метафоры психика мобилизует все свои резервы.

Ниже выделены три этапа анализа: лексический, синтаксический, контекстуальный. Формальные шаги будут осуществляться во взаимодействии с образными трансформациями. Мы сможем убедиться в том, насколько “разговор о метафорах тяготеет к метафоричности” (П. Рикер).

3. Первичный капитал метафоры составляют ее словесные сокровища. Заглянем в закрома лексических значений предложения (ii).

3.1. Наименее склонно к метафоризации слово **равнина**. Плавная поверхность родной земли как нельзя лучше вписывается в планы романтического путешествия.

3.2. Глагол **литься** имеет широкий круг сочетаемости. Его основное значение предназначено описывать гидродинамические явления. Льется как вода в чистом виде, так и образованные ею потоки (ручьи, реки).

Дублером глагола *литься* выступает глагол *течь* (недаром в словарях они определяются друг через друга). Течь можно только по поверхности, литься возможно и в пустоте. Льется как правило направленный поток (струя), текут предоставленные самим себе объемы жидкости. Первый процесс интенсивен, требует напора; второй – экстенсивен, заторможен.

Глагол *литься* обслуживает также механику газов (воздушной среды). Льются запахи и звуки, свет и прохлада.

Типичным признаком “*люющей*” материи является ее непрерывность (континуальность). Вместе с тем удается литься и дискретным, “сыпучим” веществам: зерну, песку и даже человеческим массам.

Итак, глагол *литься* имеет богатое метафорическое “приданое”.

3.3. Слово **береза** воспринимается прежде всего как символ всего исконно русского (в первую очередь – пейзажа). У прилагательного *березовый* общее значение соотнесенности с мотивирующим существительным детализируется весьма различными способами.

В выражении *березовый лист (ствол)* реализуется значение содержащий, включающий в себя. Целый диапазон значений от материала до изделия выражается в сочетаниях: *березовые лапти (дрова, розги)*. Из *березового сока* выделяются значения: полученный из, извлеченный из.

Перечисленные значения имеют статус производности, вторичности. Иной характер значения – собирательность – просматривается в выражении *березовая роща*. Любопытно, что у Пушкина встречается оксюморонный образ *березовой дубравы*.

Таким образом, среди конкретизаций общего значения относительного прилагательного *березовый* наблюдается определенный разброс. В какую сторону склонится смысл “высаженного” в текст слова, зависит от внешних условий.

3.4. Молоко имеет определяющее значение для млекопитающих.

Основная масса прилагательных, сочетающихся с *молоком*, не меняя природы продукта, дифференцирует его свойства, качество.

От основного значения слова *молоко* (животного происхождения) отпочковывается растительный аналог: *миндальное (соевое,...) молоко*. Это значение роднит с материнским общность цвета и агрегатного состояния.

Еще дальше от центрального уходит значение существительного в выражении *известковое (цементное) молоко*. Фактор съедобности окончательно утрачивается.

Наконец, существуют значения, в которых вещественность *молока* выветривается, и имя фактически превращается в предикат белизны. Так, *попасть в молоко* – попасть в белое поле мишени, далекое от “десятки”. Выражение *кровь с молоком* означает румянец на белизне кожи. То же значение у Некрасова в словах “Как молоком облитые Стоят сады вишневые”.

Итак, имя *молоко* не лишено определенного метафорического опыта.

4. Из четырех рассмотренных слов три имеют изрядный образный заряд. Ему предстоит сработать в сентенциальном целом. Как образуется смысл предложения (ii)?

4.1. Наиболее весомой частью предложения является предикативное ядро – *льется молоко*. Последнее представляет собой смысловое единство (хотя его компоненты и разнесены в предложении). Его значение хорошо вписывается в «животноводческий» контекст, но выпадает из «географического».

Группа подлежащего *березовое молоко* является автономной метафорической синтагмой (i). Вырванная из контекста (ii), она допускает осмысление “березовый сок”. Основанием для этого служит совпадение прилагательных в обоих синтагмах, а также сходная консистенция характеризующих жидкостей. Но при возвращении к отправному тексту мы получаем неестественную картину, что заставляет отбросить это толкование.

Глагольная группа *льется по равнине* воспринимается недвусмысленно и формирует ожидание продолжения типа “быстрая река”. Однако, столкновение с именной группой предложения вызывает семантический сбой, вынуждающий отказаться от прямолинейного понимания глагольного словосочетания.

Итак, мы видим, что попытки бинарного подхода к деметафоризации бьют мимо цели (в молоко).

4.2. Инверсия добавляет выразительности в предложение (ii). Оно является экспрессивной модификацией стилистически нейтрального варианта:

По равнинам льется березовое молоко

Последнее построено по линейной схеме детерминант – сказуемое – подлежащее. Предикативную группу скрепляют тесные узы между группами сказуемого и подлежащего.

Семейную идиллию нарушает сказуемое, которое вырывается на первые роли, отодвигая детерминант в тень (березовой рощи?). Интонационный рисунок предложения (ii) характеризуется двумя всплесками по краям. Двурогий месяц метафоры мерцает в мареве интерпретаций.

5. Основная нагрузка по дешифровке падает на метафорическую триаду: *льется березовое молоко*. Три части речи идут каждая своим путем в семантическом пространстве, встречаясь в назначенной точке (березовом краю).

Атрибут *березовый*, перемещаясь в определяемом *равниной* ландшафте, стремится сочетаться с множественным объектом, обозначаемым как

роща. Скомпонованная “березовая роща” = “роща берез” занимает законное место в среднерусском пейзаже. Тем временем прилагательное *березовый*, бросив на произвол деметафоризации имя *молоко*, уходит за кулисы, оставляя на сцене мотивирующее существительное, за которым вырастает массив серебристых красавиц.

Существительное *молоко* приносит на алтарь значения свой сигнификат. Судьба его сем оказывается различной. Питательность и жидкостность спроса не находят.

В чистоте и непорочности сохраняется цветовая сторона – белизна. Однако с носителем этого атрибута в сознании читателя происходят перевоплощения. Молочная материя местами конденсируется, становясь белесыми стволами (ср. “свечки берез”), а отчасти испаряется, превращаясь в туманную пелену, обволакивающую горизонт. Растворенный в молоке дух материнства впитывается родной землей, формируя образ родины-матери. Тема матери-земли, сопряженная теме отрока-путника, является одной из центральных в стихотворении.

Отцепившийся от *молока* и *березы* концепт белого вступает в оппозицию черному, закрепляя цветовые противопоставления: *береза* – земля, *белобрысый босяк* – чернец *инок*...

Наиболее сложная судьба у предиката *льется*. От прямого значения глагола остаются абстрактные корреляты типа распространяться. Отметим, что движение (основной формой которого выступает ходьба) является ведущим мотивом стихотворения.

Что касается березовой субстанции, то с точки зрения плетущегося с “бродяжной палкой и сумой”, она неподвижна. Даже вялый глагол *растекаться* слишком силен для описания ее жизнедеятельности. На самом деле речь идет о максимально отвлеченном значении – существования. Уходя в небытие, глагол *литься* передает свою жизненную силу управляемой именной группе.

Имя *березовое молоко* получает неопределенную референцию. Его значение балансирует между предметным (роща, дарующая путнику покой) и признаковым, живописующим родные просторы. Наконец, метафорическая дескрипция сочетает в себе черты зрительного образа и национального символа.